

Содержание

Введение	11
ПРОЛОГ	
Украина, 6 августа 1940 года	21
ГЛАВА 1	
Москва, декабрь 1905 года	25
ГЛАВА 2	
«Петровка» и Катя	37
ГЛАВА 3	
В библиотеке Дарвина	53
ГЛАВА 4	
Москва, лето 1916 года	63
ГЛАВА 5	
На крыше мира. 1916 год	73
ГЛАВА 6	
Революция и Гражданская война	85
ГЛАВА 7	
Садовник города Козлова	101
ГЛАВА 8	
Леночка	109

ГЛАВА 9	
Петроград: город воронов	117
ГЛАВА 10	
Слитки платины	127
ГЛАВА 11	
Афганистан, 1924 год	141
ГЛАВА 12	
Абиссиния, 1926 год	155
ГЛАВА 13	
Босоногий ученый	169
ГЛАВА 14	
Великий перелом	185
ГЛАВА 15	
Следственное дело №1500	199
ГЛАВА 16	
Пылкий патриот	207
ГЛАВА 17	
Умеренный компромисс	217
ГЛАВА 18	
Красный профессор	225
ГЛАВА 19	
Последняя экспедиция	231
ГЛАВА 20	
Удары грома и драконы	243
ГЛАВА 21	
Лысенко атакует	253
ГЛАВА 22	
Столкновение	263

ГЛАВА 23	
Большой террор	273
ГЛАВА 24	
На костер	283
ГЛАВА 25	
Товарищи философы	293
ГЛАВА 26	
Арест	305
ГЛАВА 27	
Допрос	317
ГЛАВА 28	
Возвращение в Саратов	335
ГЛАВА 29	
«Олег, где ты?»	349
ЭПИЛОГ	
Вавиловский дух	361
Основные даты жизни и деятельности академика Николая Ивановича Вавилова	381
Библиографические и архивные источники	391
Благодарности	397
Источники иллюстраций	401
Об авторе	403
Примечания	405

Надо совсем не любить свою страну, надо
быть ей чужаком, чтобы расстреливать
гордость нации — ее сгущенные знания,
энергию и талант! Да не то же ли самое
и... с Николаем Ивановичем Вавиловым?

А. СОЛЖЕНИЦЫН.
АРХИПЕЛАГ ГУЛАГ¹

Введение

На излете СССР я работал корреспондентом в Москве и жил на улице, названной в честь Дмитрия Ульянова, брата Ленина. Названия окрестных улиц представляли собой настоящий биографический справочник лидеров СССР и его союзников по соцлагерю. Была даже площадь Хо Ши Мина. Большинство этих имен ничего мне не говорили. Название улицы Вавилова тоже оставалось загадкой, пока однажды один русский друг не рассказал мне историю братьев Вавиловых.

Улица названа в честь знаменитого физика Сергея Ивановича Вавилова. Сразу после окончания Великой Отечественной войны он по приказу Сталина стал президентом Академии наук СССР и руководил процессом создания советской атомной бомбы на начальном этапе. Но, по словам моего знакомого, действительно великим и известным по всему миру ученым того времени был старший брат Сергея, Николай. Николай Вавилов был ботаником и генетиком, растениеводом, отважным исследователем и организатором науки. Он стремился воплотить грандиозную мечту — положить конец голоду во всем мире. Он хотел использовать достижения новой науки, генетики, чтобы вывести сорта сельскохозяйственных культур, которые смогут расти на некогда бесплодных территориях. Залогом успеха этого плана

он считал сокровищницу генов, которые, по его убеждению, можно было найти в неизвестных диких культурах. Наши предки могли пренебречь ими, когда стали заниматься земледелием тысячи лет назад. Первые земледельцы выбирали семена растений, которые выглядели сильными и давали большой урожай, — то есть отбирали их на основе видимых характеристик. Но Вавилов искал то, что невидимо глазу: устойчивость к вредителям и способность выдерживать экстремальные температуры.

В 1920-е годы Николай Вавилов странствовал по миру в поисках диких сортов пшеницы, кукурузы, ржи, картофеля. Он создал первый мировой фонд семян сельскохозяйственных культур, собрав поразительную коллекцию из сотен тысяч ботанических образцов — настоящую живую библиотеку генетического разнообразия Земли, которая могла сохранить виды от вымирания и позволить вывести новые «чудо-сорта».

Слава Николая Вавилова простиралась далеко за пределы России, рассказывал мой друг. В начале XX века он был лидером международного сообщества биологов. Его мировая коллекция образцов семян стала предметом зависти коллег из Европы и Америки, которые приезжали в его Институт растениеводства в Ленинграде, чтобы поработать вместе с ним.

В первые годы после революции 1917 года Владимир Ильич Ленин поддерживал экспедиции Вавилова, прекрасно понимая экономические перспективы его проекта: он мог превратить Россию в мирового лидера производства продовольствия. Но после смерти Ленина в 1924 году страну возглавил Иосиф Сталин, который ставил совсем другие первоочередные задачи. Советский народ голодал. Сталинская насильственная коллективизация подорвала сельское хозяйство, и миллионы людей стали жертвами повального голода. Большевистскому режиму постоянно грозила нехватка еды.

Сталин дал Вавилову три года на то, чтобы вывести «чудо-сорта». Вавилов знал, что в столь сжатые сроки эта задача невыполнима. Для выведения улучшенных сортов с использованием новой науки генетики требовалось от десяти до двенадцати лет. Нетерпеливый и безжалостный, Сталин обвинил генетиков в измене, заклеив их «вредителями» и «саботажниками». Их сажали в тюрьмы или расстреливали. В 1943 году Вавилов умер в тюрьме от истощения. «Только представь себе, — сказал мой русский друг, — человек, который хотел накормить весь мир, умер от голода в сталинских застенках».

Он добавил, что на протяжении многих лет в СССР нельзя было ни читать научные труды Вавилова, ни даже упоминать его имя. Но после смерти Сталина в 1953 году Вавилов был реабилитирован, а его репутация великого ученого — восстановлена. Улица возле моего московского дома носила имя его брата Сергея, но именно Николая Вавилова сегодня знают и помнят в России. Ему установлено множество памятников и мемориальных досок в Санкт-Петербурге, где он жил, и в Саратове, где он умер в тюрьме.

«Вот такая вот шекспировская трагедия о двух братьях, двух гениальных ученых, попавших в водоворот революции, Гражданской войны и сталинского террора, — подытожил мой русский приятель. — Одного брата режим уничтожил, а второго поставил себе на службу».

История братьев Вавиловых напоминает увлекательные былины, сказания о подвигах из русской истории, в которых слушатель никогда не может полностью отличить реальность от народного вымысла. Праздное любопытство по поводу названия соседней улицы повело долгой и увлекательной дорогой, открывшей мне историю бурного зарождения советской генетики и семейную хронику русской буржуазной

семьи, отчаянно пытавшейся выжить во времена революции, Гражданской войны и сталинского террора.

Николай Иванович Вавилов был настоящим богатырем, Геркулесом, наделенным невероятными способностями. Он был человеком планетарного масштаба, бесстрашным первооткрывателем, охотником за растениями, который повидал больше сортов пищевых культур в центрах их происхождения, чем любой другой ученый-ботаник того времени. Его ботаническая коллекция семян с пяти континентов восхищала мировое научное сообщество.

В первые годы генетической революции Вавилов изменил представление ученых о масштабе гигантского мирового запаса ценных генов растений, который перед ними открылся. Сегодня, в эпоху биотехнологий в сельском хозяйстве, мы считаем очевидным, что для выведения улучшенного, более выносливого сорта кукурузы следует изучить все генетическое разнообразие царства растений, чтобы отыскать там особо экзотические гены. Но в те времена, когда среди ученых шли дебаты о практическом применении законов наследственности Менделя, а слова «ген» и «генетика» только-только вошли в оборот, идеи Вавилова были авангардными и новаторскими.

Еще до начала эпохи биотехнологий и даже до того, как Уотсон и Крик разгадали генетический код*, Вавилов наметил грандиозный план «ваяния» растений для нужд человека, для синтеза неизвестных в природе сортов. Он открыл глаза охотникам за растениями и растениеводам всего мира на новые способы применения накопленного ими опыта, заставив их мыслить вне рамок одной академической

* В начале 1950-х годов американский и британский молекулярные биологи Джеймс Уотсон и Фрэнсис Крик открыли структуру молекулы ДНК. — *Прим. ред.*

дисциплины — ботаники, — учитывая и географию, и биохимию, и таксономию, и археологию. Его вклад в «чистую» науку был не таким глубоким, как Дарвина или Менделя; он не излагал ни принципиально новой теории, ни законов природы, неизвестных ранее. Однако с практической точки зрения его исследования в конечном итоге напрямую способствовали решению продовольственной проблемы в глобальном масштабе. Обладая ошеломляющим объемом знаний и выдающейся способностью систематизировать гигантское количество материала, он заложил основы для исследования и сохранения генетических ресурсов Земли — ее биоразнообразия — не только в России, но и по всей планете. Вавилов стал одним из величайших ученых XX века.

Люди считали Вавилова неотразимым. Исследуя мир в поисках экзотических генов, этот деятельный русский производил неизгладимое впечатление своим щегольством, далеким от привычного образа селекционера в парусиновом комбинезоне и заляпанных землей ботинках. Он был среднего роста, гармоничного, плотного телосложения. Миловидный, с карими глазами, выразительными бровями и тщательно подстриженными усами. Манера элегантно зачесывать волосы назад дополняла неожиданный для ученого вид. Где бы он ни находился — в джунглях, в городе, — всюду он неизменно одевался как профессор царских времен: темно-серый двубортный костюм-тройка от хорошего портного, белый воротничок, галстук, фетровая шляпа. В тропиках шляпу заменял колониальный пробковый шлем. Обладатель глубокого «робсоновского» баса* и неистощимой энергии, он

* Поль Робсон (1898–1976) — американский певец-бас, политический активист, симпатизировавший СССР и очень популярный в Советском Союзе. — *Прим. ред.*

почти всегда был в хорошем настроении. Он был подвижным, ходил легко и быстро, работал часами, мало спал и мог долго переносить физические трудности — идеальный набор качеств для охотника за растениями.

Как и большинство молодых биологов в ту эпоху, Вавилов придерживался менделевских законов наследственности и руководствовался ими в работе по выращиванию новых сортов растений. Но у него был молодой тщеславный соперник, агроном крестьянского происхождения Трофим Лысенко. Лысенко утверждал (как выяснилось, лживо), что может «воспитывать» растения, изменяя условия их внешней среды, и что полученные изменения будут наследоваться в следующем поколении растений. Лысенко пообещал Сталину, что справится с запросом на выведение новых сортов сельскохозяйственных культур за три года, а не за десятилетие, как Вавилов. Это стало одной из причин того, что вождь поддержал работу Лысенко. Кульминацией противостояния Вавилова и Лысенко стало «крупнейшее шарлатанство в биологии»² — самая ожесточенная антинаучная кампания XX века. Когда Вавилова заставили выбирать между антинаучными измышлениями Лысенко и постулатами генетической теории, в правильности которых он был уверен, он провозгласил: «Пойдем на костер, будем гореть, но от своих убеждений не откажемся»³.

На Западе вышло несколько публикаций по истории науки, анализирующих предполагаемые открытия Лысенко. При этом почти ничего не публиковалось ни о научных достижениях Вавилова, ни о его исследованиях мирового ботанического разнообразия, ни о мечте покончить с голодом на планете, ни о личной, в конечном счете трагической истории семьи Вавиловых после революции. Известно

достаточно большое количество историй узников ГУЛАГа, но среди доступных на сегодня документов той эпохи наиболее полными остаются архивные материалы об аресте и допросах Вавилова.

Сыну Вавилова Юрию Николаевичу сегодня восемьдесят лет, он физик, живет в Москве*. Он опубликовал на русском языке часть материалов следственного дела Вавилова с грифом «Секретно», которые смог получить в архиве как родственник реабилитированной жертвы сталинского террора. Юрий Николаевич хранит и семейный архив: коробки научных работ, письма и фотографии, которые чудом пережили арест его отца.

Родственники, друзья и коллеги Вавилова (те, кто бесстрашно прятал его бумаги от чекистов) поделились своими бесценными воспоминаниями о Николае Ивановиче и его жизни, не только научной, но и личной. Оригиналы его записок и отчетов о научных экспедициях были уничтожены сталинскими агентами, но сохранилась большая часть рукописи, над которой он работал до ареста. Этот манускрипт превратился в книгу под названием «Пять континентов», повествующую об экспедициях охотника за растениями. Примечательно, что восемь томов официальной переписки Николая Ивановича непостижимым образом пережили 900 дней немецкой блокады Ленинграда и были обнаружены в подвале Института растениеводства после войны. Объемный архив переписки воспроизводит поразительную жизнь ученого, оборванную так рано.

Юрий Вавилов переносит убийство своего отца со стоицизмом, подобным тому, который проявил Николай Вавилов

* Ю. Н. Вавилов скончался 18 апреля 2018 года в Москве в возрасте девяноста лет. — *Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, прим. пер.*

в своем противостоянии Сталину. Во время наших встреч в Москве и Санкт-Петербурге сын знакомил меня с наследием отца, документ за документом, включая даже любовные письма Николая к Елене Барулиной, матери Юрия. Мы заново проживали жизнь Николая Ивановича — но не смогли посетить место его захоронения. Тело Вавилова было брошено в безымянную общую могилу вместе с телами других заключенных.

Спустя десять лет после первого разговора об улице имени Вавилова я сел в Москве в электричку, идущую на родину предков Вавилова, в село Ивашково, примерно в ста километрах к западу от Москвы по Рижскому направлению, старинному торговому пути к Балтийскому морю. Сегодня это типичная северорусская деревня с холмистыми полями и березовыми рощами: деревянные домики с затейливыми резными ставнями, магазин, школа, типовой памятник погибшим в Великой Отечественной войне. Над селом возвышается белоснежный православный храм с золочеными куполами, пережившими непогоду, войны и все семьдесят лет строительства коммунизма.

Посреди лета, когда Ивашково утопает в листве и сельские тропинки зарастают разнотравьем, оно выглядит мирным, даже очаровательным уголком. Но, как это часто бывает в российской деревне, пасторальная красота прячет мрачную и жестокую историю. Выжили только самые суровые и решительные семьи, научившиеся переносить невообразимые тяготы жизни.

В XVI веке здешняя земля и крепостные принадлежали ненасытным боярам. В XVII веке деревню разоряли поляки. Кратковременное облегчение крестьянской жизни наступило в 1861 году после отмены крепостного права, но в 1891 году пришел голод, унесший тысячи жизней. Спустя несколько

недолгих лет относительного процветания грянула революция 1917 года.

Насильственная коллективизация в начале 1930-х годов принесла хаос и очередной голод. Сталинский террор не обошел стороной даже маленькие деревеньки. Церковь в Ивашкове, центр деревенской жизни, закрыли и превратили в амбар.

Когда в 1941 году в село ворвались немцы, здесь было около двухсот домов. Когда они уходили в начале 1943-го, домов осталось только сорок. Немцы устраивали избиения, казни и угнали всех здоровых мужчин на работы в Германию. В последний день оккупации немцы убили парня по имени Леша, которому был всего двадцать один год, потому что приняли его за партизана. Его призывали в Красную армию, но он был слишком болен, чтобы идти воевать. Лешу избили до смерти на площади на глазах у всей деревни, включая женщин и детей.

С концом оккупации жестокости не закончились. Православный монах, оставшийся в церкви, убедил немцев разрешить богослужения, так что по воскресеньям храм был заполнен верующими. Когда немцы отступили и в село вошла Красная армия, монаха обвинили в пособничестве фашистам и расстреляли вместе с церковным старостой.

Какие бы трагедии ни омрачали прошлое Ивашкова, вопрос приезжего о Николае Ивановиче Вавилове, самом известном уроженце этих мест, вызывает здесь неподдельную радость. В сельской школе висят фотографии семьи Вавиловых: отец Николая Ивановича, Иван Ильич, — прямой, жестковатый, он некогда отправился в Москву, открыл текстильное дело и разбогател; Александра Михайловна, степенная старушка в черном пальто и черном платке, туго завязанном под подбородком; дореволюционный портрет младшего брата Сергея, гордо позирующего в царском военном мундире. В центре этого деревенского «иконостаса» — сам Николай

Иванович, красивый, серьезный молодой человек с пронзительными темными глазами. В 1943 году, когда сельчане узнали, что он умер в тюрьме, они собирались идти в Кремль протестовать, но им было сказано, что тогда их самих ждет арест.

В семейной хронике Вавиловых крепостной быт в Ивашкове быстро сменяется жизнью преуспевающих горожан, а затем революцией и Гражданской войной. Насыщенная жизнь Николая Ивановича все время кипела событиями. Вот он с обожающими его студентами на картофельных полях под Саратовом, вот — в своем ленинградском кабинете (в бывшем царском дворце) с позолоченной лепниной и хрустальными люстрами, которые освещают разложенные на полу карты мира. Вот он в костюме-тройке и шляпе-федоре во время охоты за растениями на пиках Памира, в Афганистане, Эфиопии, Мексике, в джунглях Боливии, один на один со смертельной опасностью, будь то дикие звери или вооруженные бандиты. Вот он спешит побывать в лабораториях у светил генетики в Англии, Франции, Германии или США. Вот он на правительственных конференциях в Москве и Ленинграде — выступает в защиту генетики.

С какого момента вы бы ни начали читать историю жизни Николая Вавилова, вас увлечет за собой тот темп, в котором жил он сам. «Жизнь коротка, — говорил Вавилов, — надо спешить».

ПРОЛОГ

Украина, 6 августа 1940 года

Черная «эмка» — советская версия американского «Форда» — с грохотом неслась по грунтовой дороге из Черновцов, поднимая клубы пыли над полями зреющей пшеницы. Внутри автомобиля сидели четверо в штатском: в темных костюмах и фетровых шляпах набекрень.

Когда возле границы с Румынией дорога начала подниматься вверх по карпатским склонам, на горизонте появилась другая машина, катившая вниз, навстречу первой. Она тащилась с пробитой шиной, но «эмка» остановилась не для того, чтобы предложить помощь.

— Куда поехали машины академика Вавилова? — прокричал в окно один из встречных. — Он нам срочно нужен⁴.

В легковой машине, возвращавшейся в Черновцы, ехал молодой ботаник Вадим Лехнович, член экспедиции Наркомата земледелия под руководством Николая Ивановича Вавилова, ведущего генетика и селекционера растений в Советском Союзе. Было 6 августа 1940 года. В Европе полыхала война, уже шла Битва за Британию, но Западная Украина еще мирно грелась в лучах летнего солнца. Ботаники выехали в полевую экспедицию: они искали редкие образцы

диких трав, на основе которых можно было бы вывести новые сорта пшеницы, устойчивые к неблагоприятному климату северных степей.

Оглушительное появление черной «эмки» и грубость окрика вторглись в мирный процесс поиска и сбора образцов растений. Но само требование срочно найти Николая Ивановича не удивило Лехновича: Вавилов был важным ученым государственного уровня, и его часто спешно вызывали в Москву.

— Николай Иванович с остальными, собирает образцы, — отозвался Лехнович. — Что-то срочное?

Пассажир черной «эмки» сверкнул глазами и процедил:

— У академика Вавилова есть важные документы по экспорту хлеба. Их немедленно требуют в Наркомземе.

От холодных повелительных интонаций этого голоса ботанику вдруг стало не по себе. Человек в штатском совсем не походил на простого чинушу.

— Где академик Вавилов? — снова потребовал он. — Отвечайте, где его найти.

— Он с остальными, в поле, чуть выше по дороге... — начал было Лехнович, но «эмка» рванула с места, оставляя за собой облако пыли.

Лехнович покатил свою покалеченную колымагу вниз по дороге, в Черновцы, где в университетском общежитии ночевала вся их группа.

Когда в сумерках Николай Иванович вернулся со своей группой местных ботаников в общежитие, его встретила четверка в черной «эмке». Как только он вышел из машины, задняя дверь «эмки» распахнулась. Из нее вынырнул один из пассажиров, серьезным тоном заговорил с Николаем Ивановичем, тот сел в их автомобиль, и они умчались. Вахтер общежития, который слышал их разговор, передал его

ботаникам: Николаю Ивановичу сообщили, что он срочно нужен в Москве, и он уехал, пообещав вернуться.

Около полуночи двое из четверых мужчин вернулись в черновицкое общежитие с запиской для Лехновича, написанной Вавиловым от руки его узнаваемым размашистым почерком: «<...> Ввиду моего срочного вызова в Москву выдайте все мои вещи подателю сего. 6/8/40 23 часа 15 минут. Н. Вавилов».

Двое вежливо, но твердо настаивали, что все вещи Вавилова — до последнего клочка бумаги — должны быть сложены в его экспедиционный вещевой мешок. Они сказали, что Вавилов на аэродроме и ждет свой багаж для вылета в Москву.

Лехнович и другой ботаник, Фатих Бахтеев, сделали, как им было велено. Складывая бумаги Вавилова, в том числе малейшие обрывки черновиков, в рюкзак, они гадали, почему Николаю Ивановичу не дали возможность собраться самому или, что еще важнее, дать указания участникам экспедиции о том, как продолжать ее в его отсутствие. Они решили, что кто-то из них должен отвезти вещи на аэродром и лично переговорить о дальнейшей судьбе экспедиции.

Ехать вызвался Бахтеев. Они вынесли вещи к машине, у которой их ждали двое. Третий сидел за рулем.

Бахтеев начал объяснять, что ему нужно поехать проводить Вавилова, и начал садиться в машину. Он уже потянул к себе дверь автомобиля, но тут один из мужчин оттолкнул его, повалил на землю и запрыгнул в отъезжавшую «эмку».

Николай Иванович Вавилов сгинул в сталинских лагерях.

Москва, декабрь 1905 года

Первая русская революция началась в январе 1905 года, когда у Зимнего дворца в Санкт-Петербурге царская гвардия расстреляла мирное шествие, требовавшее положить конец самодержавию. Сто тридцать человек были убиты. Массовый расстрел вызвал рабочие забастовки в крупнейших городах и крестьянские восстания в половине губерний Европейской России. Царь провел реформы, но стачечное движение не прекратилось и вылилось в кровопролитное восстание в Москве. При штурме Пресни — рабочего района на промышленной окраине Москвы — царские войска расстреливали из артиллерийских орудий дома и фабрики, несколько сотен человек оказались убиты и ранены. Иван Ильич Вавилов и его жена Александра Михайловна жили с детьми в деревянном доме с яблоневым садом на улице Средняя Пресня.*

* Податели петиции требовали народного представительства в форме Учредительного собрания и иных политических свобод, ограничивавших самодержавие, но не отменявших его. — *Прим. ред.*

Звуки стрельбы приближались. Теперь это были не только отдельные выстрелы маузеров, которые слышались всю неделю и напоминали взрывы хлопушек, но и резкий треск ружейных залпов, эхом отзывающийся по прудам и болотистым низким берегам замерзшей Пресни. На кухонном крыльце дома №13 по улице Средняя Пресня, кутаясь в серое шерстяное пальто, стояла Александра Михайловна. Она с тревогой ждала возвращения старшего сына, восемнадцатилетнего Николая, из училища⁵. Сквозь тихий снегопад и наступающие сумерки она видела смутные силуэты — группами по двое-трое, с мешками и ружьями или, быть может, досками и лопатами, она не была уверена. Тени фигур мелькали на дальней стороне улицы так быстро, что порой сложно было различить в них людей. Они скользили, не сворачивая с тропы и уворачиваясь от растяжек из телеграфной проволоки, ими же натянутой для ловли жандармов. На несколько дней вооруженного восстания Пресня оказалась отрезанной от города самодельными баррикадами. «Пролетарский лагерь», — говорили бастующие.

Накануне вечером пресненские «дружинники» (вооруженные революционеры) взяли в плен шестерых царских артиллеристов, привели их на фабрику, рассказали о необходимости революции и отпустили⁶. Рабочие хотели диалога с солдатами, но все на Пресне понимали, что рано или поздно царские войска начнут атаку.

Муж Александры Ивановны Иван Ильич был одним из директоров торговой фирмы, которая занималась сбытом товаров крупнейшей пресненской текстильной фабрики — Прохоровской Трехгорной мануфактуры, основанной в 1799 году⁷. Тем утром, перед тем как отправиться на работу, он сказал семье, что в этот день атака вряд ли начнется. Пользовавшиеся мрачной славой «усмирителей» гвардейцы-семеновцы еще не прибыли

из Санкт-Петербурга, а войска московского гарнизона были слишком ненадежны. Подкрепление могло даже задержаться на несколько дней.

Рабочие текстильной фабрики примкнули к восстанию, и производство на Трехгорной мануфактуре встало. Полиция присоединилась к дружинникам, и даже казаки, считавшиеся самыми верными слугами царя, отказались выполнить приказ и разогнать протестующих.

Днем Александра Михайловна услышала, что пушки привезли и они готовы для атаки. Она знала, что ее сыновья вряд ли придут домой вовремя, особенно Николай. Он был слишком любопытным и всегда во все вступал. За день до того мальчики помогали строить баррикады, пожертвовав новым деревянным забором из собственного сада. Младший, Сергей, которому было четырнадцать, уже вернулся из школы, а старший, Николай, все еще бродил неизвестно где. Сергей потерял брата из виду на Горбатом мосту.

Александра Михайловна старалась успокоиться. Она говорила себе, что Николай просто пошел посмотреть на баррикады и уже достаточно взрослый, чтобы позаботиться о себе. Он был сильнее брата и не тушевался в уличных потасовках. Но сейчас там стреляли из винтовок и взрывались гранаты.

Александра Михайловна вглядывалась в берега Пресни, и тут в болоте, никому не навредив, взорвалась граната. Затем грохнула еще одна, а потом небо дугой прорезал снаряд. Вроде бы он прилетел со стороны Кудринской площади и взорвался в полете, с грохотом осыпавшись осколками шрапнели на крышу соседнего дома и на кухонное крыльцо. Из дыма появилась фигура, бегущая к дому. Вновь началась стрельба, и фигура исчезла, затем снова возникла, в смятении бросаясь то туда, то сюда. Александра Михайловна побежала на крыльцо, выкрикивая имя Николая. Увидела его и втащила в дом.

Мощная атака обрушилась на Пресню 17 декабря. Жестокый артиллерийский обстрел начался еще до рассвета. Кано-нада продолжалась до четырех часов дня, и к утру 18 декабря сопротивление было сломлено. Царские войска вошли в рабочий район и быстро очистили Пресню от баррикад. Лев Троцкий, тогда двадцатилетний лидер революционеров, позже назвал восстание «могущественным прологом к революционной драме 1917 года»⁸.

Иван Ильич, как и большинство предпринимателей крестьянского происхождения, сделавших карьеру во время быстрой индустриализации страны, понимал, что дни царского правления сочтены. Как человек, близкий к дирекции фабрики, он был очевидцем «революционной борьбы русского пролетариата»⁹. Он молился о мирном переходе к какой-то более демократической форме правления, но при этом был уверен, что царя свергнут. Он был также уверен, что неминуемо потеряет состояние, нажитое совсем недавно, комфортную жизнь, которую устроил для себя и своей семьи, и три дома, находившихся в его владении. Идея вовлечь Николая и Сергея в текстильное дело, казалось, обречена на провал.

Иван Ильич был реалистом. Он полагал, что за восстанием последуют еще более жестокие, чем прежде, репрессии, а за ними — новый виток ненависти к монархии. Состоятельные русские вроде него опасались неизбежной революции и уже уезжали за границу. Было ясно, что поток иностранных инвестиций — британские, французские, немецкие деньги, которые подпитывали его дело, — скоро иссякнет. Иван Ильич был состоятельным и уважаемым жителем Пресни. Через несколько лет его выберут членом Московской городской управы. До Декабрьского восстания 1905 года он купил землю и сад на Средней Пресне, где построил три дома и четыре флигеля. Когда началась революция, он испугался, что

не только потеряет землю и состояние, но и будет вынужден покинуть страну.

Человека более слабого, менее богобоязненного, не столь заботливого семьянина такие размышления повергли бы в глубокое отчаяние или подтолкнули к быстрому отъезду за рубеж. Но Иван Ильич был патриотом. Он верил, что Россия достойна нового общественного устройства, и был готов внести свой вклад в то, чтоб его приблизить.

Следующие несколько месяцев на Пресне было беспокойно. Рождество прошло грустно. По улицам бродили встревоженные горожане, многие из них размышляли над отъездом из страны. Александра Михайловна старалась делать так, чтобы в доме Вавиловых все было по-прежнему, будто бы вокруг ничего не происходило. Иван Ильич неизменно ходил на фабрику и не поощрял застольные обсуждения штурма. Исключением были только слова за упокой жертв восстания в общей семейной молитве утром и вечером каждого дня.

Делая вид, что в доме царит нормальная жизнь, Александра Михайловна устроила большой праздник в день святого Николая в честь именин сына, и гости по обыкновению играли в шарады и другие игры. Школы были закрыты, и она старалась не выпускать мальчиков одних на улицу. Когда им все же удавалось проскользнуть мимо нее, Александра Михайловна присматривала за ними через кухонное окно. А если иногда они пропадали из виду, выходила на крыльцо и звала их домой. Те, кто видел ее на кухонном, хозяйственном крыльце, мог принять уважаемую мать семейства за челядь. Она была смуглой, всегда одевалась в черное и повязывала черный платок, как прислуга.

Жизнь не всегда была такой безбедной. Отец Александры Михайловны, Михаил Асонович Постников, был

художником-гравером на текстильной мануфактуре. Когда его дочери было шестнадцать, отец привел Ивана Ильича с работы к ним домой, и молодые люди тут же влюбились друг в друга. Он был очарован ее большими глазами и добрым лицом, она — его привлекательностью, прямоотой, набожностью, уверенностью в себе и силой характера.

На тот момент Иван Ильич проработал на фабрике всего несколько лет и перспективы его были еще совсем не ясны. Александре Михайловне особенно приглянулось то, как он уже тогда следил за своей внешностью. Ей, как и всем, кто бы ни встретил Ивана Ильича, было ясно, что он стремился к чему-то большему, чем повторить судьбу своих предков.

Отец Ивана, Илья, был крепостным крестьянином, чья жизнь полностью зависела от воли его владельцев — помещиков Стрешневых. Они купили село Ивашково, откуда происходил род Вавиловых, в 1668 году. Как и другие крепостные, Илья Вавилов не мог покинуть деревню или жениться без разрешения, его даже могли женить против его воли. Могли выпороть или продать другому хозяину, навеки разлучив с семьей. Крестьянская реформа 1861 года, упразднившая крепостное право, была принята, когда Ивану Ильичу исполнилось два года. Крестьяне были освобождены, и в Ивашкове, как и в других деревнях по всей России, наступила пора расцвета. Открылась почта, кредитная контора, и жители начали искать рынки сбыта в Москве¹⁰. Овощи они выращивали для себя, а на продажу растили лен, так что летом окрестные поля были сплошь усеяны голубыми цветами. В период жатвы Иван и его брат Илья помогали собирать семена льна, отделять шелковистые волокна от твердых, будто тростниковых, стеблей и готовить их для продажи на московские текстильные производства. Они сами зарабатывали себе на карманные расходы, продавая сыромятную кожу, щетину,